

Глава 30. Кому радость, а кому — горе

— Цинь Вань... ты... — Те Сюань чувствовал, как к горлу подступает горький, металлический привкус крови. Внутри всё горело от противоестественного, чуждого вторжения, вызывая тошноту, но куда сильнее физической боли была мука душевная. Нет ничего горше этого вынужденного, бездумного соития, свершённого в тумане беспомыслия.

Без любви, без искры чувства — лишь слепая жажда плоти, утоляемая во тьме. Сколько в мире бездушной страсти, но нет ничего более далёкого друг от друга, чем двое, делящих одну постель, но видящих разные сны.

Сердце Те Сюаня наполнилось ледяным отчаянием. Сознание то прояснялось, то вновь погружалось в мутную мглу; в теле не осталось места, которое не отозвалось бы острой болью. Вскоре последние крупинки разума оставили его. Те Сюаню казалось, будто его бросили в бушующее море огня, где хрупкая человеческая оболочка рассыпалась в прах, и собрать её воедино было уже невозможно.

Цинь Вань, ведомый лишь действием яда, превратился в подобие живого мертвеца. Ещё до прихода Те Сюаня он долго боролся с дурманом, но снадобье Ян Муяня было коварным: чем дольше его сдерживали, тем яростнее оно вспыхивало в крови. Теперь же, когда отравляющая окончательно взяла верх, им правил лишь животный инстинкт. Он не понимал, где находится, не знал, кто перед ним, и не чувствовал ничего, кроме первобытной тяги.

Полог кровати то и дело вздрагивал от движений сплетающихся тел. Масляная лампа на столе давно погасла, но тусклый свет, пробивавшийся сквозь плотную бумагу закрытых окон, всё же выхватывал на занавесях зыбкие, мечущиеся тени.

В комнате витал тонкий, приторно-сладкий аромат, к которому примешивался тяжёлый, мускусный запах пота — этот дурмящий коктейль создавал в помещении гнетущую, порочную атмосферу.

За дверью замерла Яоцзи, на её лице отражалась крайняя тревога. Она судорожно ломала пальцы, несколько раз протягивала руку к дверной ручке, но каждый раз в нерешительности замирала. Наконец, тяжело вздохнув, она ушла.

Лишь когда на город опустилась глубокая ночь, плотно запертая дверь наконец распахнулась. Цинь Вань, набросив на плечи лишь тонкое алое исподнее, в ярости выскочил наружу.

Грохот захлопнувшейся двери всполошил постояльцев на этаже. И хотя в душах многих пробудилось любопытство, никто не осмелился выйти и расспросить о случившемся.

Шум уходящего Цинь Ваня был столь велик, что долетел даже до комнаты Янь Нанью, жившего в другом крыле. Он приоткрыл дверь и некоторое время хмуро смотрел в пустой коридор. Обернувшись на крепко спящего Янь Цина, тот на мгновение задумался, но

нехорошее предчувствие взяло верх. Он бесшумно выскользнул в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Проходя мимо одной из комнат, Янь Нанью увидел, как из неё вышел У Тяньдэ.

— Герой Янь, я пойду с вами, — негромко произнёс тот.

Нанью лишь коротко кивнул в ответ. Его самого гнало вперёд беспокойство из-за вспышки гнева Цинь Ваня, а аура спутника сейчас была делом второстепенным.

Подойдя к комнате, откуда выбежал Цинь Вань, Янь Нанью заметил, что дверь закрыта неплотно. Она подрагивала на сквозняке, издавая негромкий, мерный стук — явный признак того, что покинувший помещение человек пребывал в смятении и ярости.

Как лекарь, Янь Нанью обладал обострённым чутьём на лекарственные снадобья. Он мгновенно уловил в воздухе запах афродизиака — тяжёлый, тошнотворный аромат, от которого сводило челюсти. Поморщившись, Нанью взмахнул рукавами, разгоняя застоявшийся воздух, и решительно вошёл.

У Тяньдэ последовал за ним. В комнате царил сумрак — лампа не горела, и лишь слабые блики с улицы едва разгоняли мглу. Раздался резкий звук — Янь Нанью чиркнул огнём и зажёл светильник.

Взгляд У Тяньдэ сразу упал на массивную кровать. Тяжёлый полог слегка колыхался, и из-за него доносилось едва слышное, прерывистое дыхание.

Янь Нанью резким движением откинул занавесь, и на мужчин волной обрушился густой, приторно-сладкий запах. На измятых алых простынях, за тонкими сетками шёлка, лежал мужчина. Он выглядел измождённым, глаза плотно сомкнуты.

Густые брови, прямой нос, волевой подбородок... Неужели это...

— Выйди! — не дав У Тяньдэ рассмотреть лежащего, Янь Нанью задернул полог, отсекая обзор, и ледяным тоном выставил гостя за дверь.

Янь Нанью не терпел возражений, и У Тяньдэ, несмотря на удивление, не решился спорить.